

Автономная некоммерческая организация
**Институт русско-славянских исследований
имени Николая Яковлевича Данилевского**

Статьи ИРСИ/Аналитика ТГ-канала "Россия – не Европа" Экспертный клуб Николая Данилевского Конференции ▾ Труды ИРСИ ▾ Современны
СМИ о нас Издания ИРСИ им. Данилевского ▾ Русская мысль Новейшей истории России ▾ Дело соборное Все материалы Интернет-ма
созидатель" Открытые обращения ИРСИ Данилевского Контакты

Главная > Доклады конференций >

Доклады конференций

Канурская И. Н.

Н. Я. Данилевский о роли народного одеяния в сохранении самобытных основ русской жизни

🗨 0

Канурская И.Н.

гл. специалист Регионального общественного Фонда

"Память мучеников и исповедников

Русской Православной Церкви"

(г. Москва, Россия)

Н.Я. Данилевский о роли

народного одеяния в сохранении

самобытных основ русской жизни

В статье анализируется значение роли народной одежды в сохранении народных форм быта, её значение в возрождении традиционных ценностей.

Kanurskaya I.N.

N.Ya. Danilevsky about the role of national garment

in preservation of Russian life's original bases

The article analyzes the role of national garment in preservation of Russian original way of life, its importance in revival of traditional values.

"Национальное и религиозное самосознание, как система целостного мировоззрения, только начало обретать форму в России в XX веке, когда было безжалостно погашено безбожной революцией. Можно жить, не особенно отдавая себе отчёта в том, для чего и почему мы живём и кто мы такие, но для всякого народа и для всякого человека наступает час, когда необходимость ответить на эти вопросы становится равнозначной вопросу жизни и смерти..." [7, с. 5]

Игумен Дамаскин (Орловский)

Народным формам быта, насильственно перевернутым на иностранный лад, значительное место уделяет Николай Яковлевич Данилевский в труде "Россия и Европа". Его воззрения на эту проблему прошли испытание временем. Сегодня они могут быть очень полезны в возрождении традиционных ценностей народа России.

В рамках отведенного времени попытаемся раскрыть взгляды Николая Яковлевича на эти вопросы на одном из примеров: о роли народной одежды в русской жизни.

Данилевский исходит из положения, что любой народ устраивает свой быт в соответствии с особенностями, со своим культурно-историческим типом. Психический строй нации формирует свой уклад жизни, внешний образ жизни приводится в соответствие с внутренним устройством.

"Русское народное одеяние, – пишет он, – достаточно прочно и величественно". В то время, как европейские костюмы, пишет ученый, "совершенно уродливы, как наши сюртуки, фраки, пальто, кафтаны времен Людовика XVI и т.д. или хотя и красивы, но вычурны, и потому только живописны, а не изящны, как костюм испанский, с буфами на руках и ногах, тирольский с остроконечными шапками и разными шнурочками" [1, с. 269].

Он сравнивает разные костюмы на скульптурных изображениях. Вот "Минин стоит в русской одежде на Красной площади в Москве. Иван Сусанин – в Костроме, есть много статуй, изображающих мальчиков и юношей, играющих в бабки или свайку. Одевание всех этих фигур вполне удовлетворяет всем требованиям искусства. Но, как же уродлива скульптура адмирала Лазарева в Севастополе! Колоссальных размеров, на огромном пьедестале, издали производит поразительный эффект, но стоит рассмотреть подробности фигуры, – её мундирный фрак с фалдочками, панталоны в обтяжку, коротенькие ножны морского кортика, – всё это вызывает неизменную улыбку, хотя скульптор сделал всё мастерски. Уродливость европейской одежды не даёт возможность отразить героическое содержание образа!" [1, с. 270]

Н.Я. Данилевский показал, что искажения на иностранный лад всех форм быта: одежды, устройства домов, домашней утвари, образа жизни, кажутся для многих совершенно несущественными и безразличными. Но при тесной связи внутреннего и внешнего это неверно. Характер одежды и всей бытовой обстановки оказывает важное влияние на объединение подчинённых народностей с народностью государственной.

Он обращает особое внимание на тот факт, что в состав русского государства всегда входили разные народности. Они в массе сохраняют свои национальные черты, но любые личности, поднявшись на простор общей государственной жизни, всегда стремятся перенять обстановку и уклад жизни господствующих классов. Однако в это же время у этих личностей зарождается сожаление о прежней политической самостоятельности их нации, или мечта о её возрождении. Но это последнее не имеет внутренней основы, и при достаточной силе первого оно исчезает. "В старину без всякого насилия разные татарские мурзы, черкесские князья, немецкие выходцы легко обращались в русских дворян" [1, с. 277].

Но после изменения жизненной обстановки дворянства на европейский лад достаточно было лишь принять на себя общеевропейский облик. "А это усиливает отчуждённость, которая более-менее свойственна инородцу, из-за этого-то и порождаются то молодая Грузия, то молодая Армения, а, может быть, народится молодая Мордва, молодая Чувашия, молодая Якутия" [1, с. 278].

Н.Я. Данилевский приходит к выводу, что изменение быта и всего, что связано с этим понятием, ведёт к утрате самобытности в искусстве, т.е. народ не может творить, а значит развиваться.

Пострадали от таких перемен все виды народного искусства: архитектура, ваение, музыка, живопись.

Разрушительное воздействие претерпела и одежда.

Важно понимать, что в традиционной культуре одежда это не просто защита тела от внешних неблагоприятных воздействий. Она была включена во весь бытовой строй жизни человека и отражала половозрастное, социальное, этническое, профессиональное положение человека.

Известно, что народная одежда, включённая в содержание крестьянских праздников, обрядов и повседневности, как правило, представляется явлением, в котором сосредоточивались мировоззрение и дух народа.

"Детство, юность, зрелость, переход из одной возрастной категории в другую, способы включения человека в систему родственных связей – всё это, как в предыдущих столетиях, так и в начале XX-го века, хотя и в иной форме, продолжало находить отражение в народной одежде" [3, с. 224].

Производство одежды в семье было весьма трудоёмким и занимало много времени и сил, но и носилась такая одежда длительное время. (Лён надо было вырастить, переработать в пряжу, наткать полотна, отбелить его на солнце, обработав щёлоком, и только потом шить рубахи, порты, сарафаны). Особое место занимало украшение одежды, и это, прежде всего, вышивка. По мнению ученых, вышивка содержала в себе различные смыслы, её можно было читать!

Исследователь Н.С. Преображенский описал такой обычай второй половины XIX столетия у жителей округа села Никольское (современный Усть-Кубинский район) Вологодской земли: "На крещение из ближних и дальних деревень приходили и приезжали девушки-невесты, привозя с собой лучшие наряды. А был их наряд почти весь сделан своими руками. Под низ надевала девушка рубашку с двумя красными полосами, на неё ещё 4–5 рубашек, вышитых самым причудливым образом <...> от низу до груди. На верхнюю рубашку – сарафан, на него 3 или 4 нарядных передника, тоже вышитых, как и рубашки. Поверх всего – овчинную шубу, опушённую мерлушечьим мехом и крытую синим сукном.

После обеда начинался самый ответственный момент смотрин. Девушки рядами становились у церковной ограды. Несколько парней выбирали пожилую бабу и под её предводительством направлялись к разряженным девицам, которые стояли, боясь пошевелиться. Баба подходила к одной из девушек, раздвигала полы шубки и показывала её нарядные передники. Потом поднимала подол сарафана, одну за другой все узорчатые рубахи, до той самой, на подоле которой были 2 полосы. И всё это время поясняла значение узоров" [6, с. 499 – 522].

Данилевский пишет, что "<...> часто случается слышать, что <...> русская женская одежда воспринимается <...> как театральным костюм, <...> не похожий на тот, <...> что носит народ в повседневной жизни. <...> народная одежда это тип, который изменяется, разнообразится, украшается

Наконец, одежда физиологична. Она не стесняет движений, собранные сзади складки у круглого сарафана утяжеляют спинку, и плечи сами распрямляются. Я видела это на детях. Кроме того, русская женщина, будучи часто беременна, была всегда в свободной одежде, защищающей её и ребёнка от неблагоприятных воздействий.

Народная одежда, даже домашняя, была всегда яркая и красивая. Я предполагаю, что это было отражением внутреннего состояния человека, его радостного восприятия мира. И была, думаю, обратная связь: такая одежда, вызывая к эстетическому чувству, создавала внутреннюю радость.

Так как в России существовала разделённость между народом и высшими богатыми слоями общества, русская народная одежда не проникала в жизнь высшего общества. А если бы это произошло, то одежда могла бы изменяться в сторону большего изящества и красоты, используя более тонкие качественные ткани, приёмы шитья и т.д. Например, русские старообрядцы из Южной Америки сохранили национальный костюм. Но женский сарафан и рубаха шьются теперь из тонких искусственных тканей, используется один цвет, поэтому комплекс выглядит как платье. Немного изменился и головной убор шамшура.

Женщина в таком одеянии чувствует себя иначе, чем в современной одежде. Происходит совпадение внешнего и глубинного внутреннего психического строя женской души, возникает гармония, которая благоприятно сказывается и на нравственном, и на физическом состоянии женщины.

Но традиционная культура – как образ жизни, система ценностей, вера, устные традиции, нормы и правила общения и поведения, обычаи, обряды, празднества, претерпела новое разрушительное воздействие революционных преобразований XX века.

“Обращение человека духовного, человека русской народной культуры в человека “цивилизованного” (европейского типа) произошло не само по себе. Историческая память и народная культура в XX веке отбивались с неслыханной до того жестокостью – осуществлялось по сути невиданное и не видимое многими всестороннее уничтожение культур и народов” [4, с. 8]. Авторы книги “Женская сряда” приводят ряд свидетельств борьбы с народными обрядами, праздниками и одеждой. “Сегодня жители рассказывают, как с 1930 по 1980 гг. власть запрещала и разгоняла девичьи посиделки <...> и маслену, святки, народные свадьбы и крестины, запрещала носить понёвы, шушуну и шушпаны (виды одежды). <...> В 30–х годах комсомольцы села Ушинка в один из праздников к концу обедни оцепили церковь. И, когда бабы стали выходить из церкви в своих красивейших срядах, то они силой снимали нагрудники, цупруны, понёвы и сбрасывали их в общий ворох. Содрав со всех баб одежды <...>, облили их керосином и сожгли. (ПЗ (У), 1998). Подобное происходило во многих краях России” [5]. Известны факты преследования женщин, выходивших на работу в сарафанах, им просто не выписывали трудодни.

Научные изыскания по русской народной культуре были свёрнуты и запрещены, а многие музейные вещи были уничтожены или утеряны. Сами исследователи народного быта высланы или отстранены от изучения данной тематики, некоторые были расстреляны. Произошёл разгром школы русского народоведения [4, с. 5].

В современных условиях, когда духовно-нравственные ценностные ориентиры деформированы, введение в повседневную жизнь через здоровую рекламу и моду одежды, выполненной на основе народных традиций, было бы актуально и полезно.

Выводы

Подводя итоги, можем сказать, что история показала и подтвердила справедливость и глубину влияния быта на самосознание народа.

Русский народ всегда отличался своей духовностью, и это определяло строй его жизни. Очень хорошо об этом сказал сщмч. Андроник (Никольский): “Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всём укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях. В народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Всё прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основаниями, как это и должно быть всюду и всегда <...> Для неё (культуры) и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека. Поэтому русский человек, даже испытавший на себе воздействие и нерусской культуры, всё-таки смотрит на жизнь как на приложение к делу жизни нравственных запросов духа. В самой жизни поэтому ищет подвига, как несомненного оправдания и для существования человека на земле” [7, с. 401, 402].

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
2. Домострой. Юности честное зерцало. – М.: Даръ, 2006. – 320 с.

3. Калашникова Н.М. Семиотические функции народного костюма // Музей Традиции. Этничность. XX-XXI вв. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Рос. Этн. музея. – СПб.; Кишинёв, 2002.

4. Кутенков П.И. Великорусская женская сряда. – СПб., 2010.

5. Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. – СПб., 2008.

6. Преображенский Н.С. Баня, игрище, слушанье и шестое января // Современник. – 1864. – № 10.

7. Священномученик Андроник (Никольский; 1870–1918), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. – Тверь: Булат, 2004.

Приложение

Рис. 1. Праздничный девичий костюм. Архангельская губерния. Село Нёнокса. Вторая половина XIX века. Коллекция Татьяны Вальковой (г. Москва). Модель – Анастасия Журавлёва. Фотография Дмитрия Давыдова

Рис. 2. Повседневные женские костюмы. Россия. Олонецкая губерния. Каргопольский уезд. Конец XIX – начало XX века. Коллекция Центра “Русские начала” и Фольклорной студии “На Поварской слободе” (г. Москва).

Модели – Анна и Ольга Климовы.
Фотография Дмитрия Давыдова. 2006

Рис. 3. Праздничный женский костюм. Россия. Олонецкая губерния. Каргопольский уезд. Конец XVIII – начало XIX века. Реплика. Авторы – Татьяна Валькова, Арина Белякова.

Модель – Татьяна Валькова.
Фотография Аллы Соловской. 2007

Рис. 4. Праздничный женский костюм. Россия. Олонецкая губерния. Каргопольский уезд.
Конец XIX – начало XX века. Реплика. Авторы – Юлия Шипилова, Вера Гончарова.
Модель – Юлия Шипилова.
Фотография Аллы Соловской. 2009

Рис. 5. Праздничный девичий костюм. Город Галич. Начало XIX века. Реплика.
Авторы – Юлия Козлова, Ольга Латушкина.
Модель – Юлия Козлова.
Фотография Аллы Соловской. 2007

Рис. 6. Праздничный женский костюм. Россия. Костромская губерния. Город Галич.
Конец XVIII – начало XIX века. Реплика.
Автор и модель – Екатерина Черноок.
Фотография Аллы Соловской. 2007

 2015 г.

 Подписаться ▾

Войти через

Оставьте первый комментарий!

B **I** **U**   **[+]**

